

Черниенко В.А.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ДИСКУРСА И СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Философская проблематика различения объективного и субъективного, их взаимовлияния и опосредованности не перестает быть актуальной. Опосредованность характеризует особенности знания в двух отношениях. Во-первых, в смысле многоступенчатой, непрямой связи субъекта и объекта. Во-вторых, в смысле существования и проверки одних знаний посредством других. Опосредованность придает процессу познания противоречивый и зигзагообразный характер, порождает соответствующие гносеологические и методологические затруднения. В контексте данной проблематики не до конца выяснен вопрос о роли дискурса (как опосредствующего звена) в формировании социальной идентичности.

В современных исследованиях вопроса уровень философской аргументации представлен теорией дискурса (см. [1]). Наряду с глубиной проработки темы, исследования теоретиков дискурс-анализа страдают факторным подходом. Этот недостаток лишает данные работы научного содержания.

Цель статьи – экспликация меры воздействия идеологической функции дискурса на формирование социальной идентичности.

Традиционно современные теории о социальном пытаются утвердиться на критике марксизма. Такая позиция понятна. Затронутый К. Марксом пласт «проклятых вопросов» – и сегодня самый достойный предмет для критики. Конструктивная критика развивает гуманистическую составляющую марксизма. Однако здесь творческие искания философствующих интеллектуалов нередко ходят по кругу, и это движение философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр удачно и емко выразил так (см. «Критика диалектического разума» (1960): «Тот, кто претендует на преодоление марксизма, в худшем случае вернется к домарксовской теории, а в лучшем – лишь вновь откроет для себя мысли, которые содержатся в философии, которую он надеялся превзойти». Обычно марксизму инкриминируется отсутствие обоснования преобразования сознания и преувеличение роли экономического фактора. Удовлетворительное научное обоснование генезиса идеологических форм и их обратного воздействия на экономику дано К. Марксом (см., например, [2, с. 534-538]) и Ф. Энгельсом (см. фрагменты его эпистолярного жанра 90-х гг. XIX в. – письма Й. Блоху, К. Шмидту, Ф. Мерингу, В. Боргиусу [3, с. 537-557]). Дальнейшее развитие этих идей, например, М. Корнфортом оттеняет аутентичные «краеугольные камни» марксистской социальной теории [4, с. 151].

Из Гегеля известно, что генеральным фактором движения «вещей» является диалектическое противоречие или взаимопроникновение противоположностей. Обычно, говоря о диалектическом противоречии, указывают, что противоположности взаимоисключаются, «переходят» друг в друга, находятся во внутреннем единстве и во «взаимопроникновении». Однако, обычно, дальше фразерства дело не доходит – нет конкретного показа, как противоположности переходят друг в друга. Поэтому в целом верное утверждение в методологическом плане остается малопродуктивным.

Такие метафоры, как «взаимопроникновение», «переход друг в друга» противоположностей, зачастую запутывают суть дела, поскольку никакое прямое взаимопроникновение на деле непосредственно, т.е. без опосредствования практикой, теорией, науками, научной философией, обнаружить невозможно («если бы сущность

и проявления вещей совпадали непосредственно, то всякая наука была бы излишня»). Объективное противоречие обусловлено связью. Предмет связи есть «черный ящик» взаимоперехода, в котором заложен механизм разрешения противоречия. Диалектические противоречия разрешаются диалектически, а именно, посредством промежуточных звеньев, промежуточных фаз. Эти звенья существуют объективно. Дело за малым: их необходимо открыть.

Диалектика субъект-объектных отношений, их противоречие или взаимопроникновение, взаимообусловленность, взаимоопосредованность как противоположностей развернута современным, диалектическим материализмом выявляет в качестве необходимого промежуточного звена практику. Не случайно в историко-философском ряду под «философией практики» чаще всего подразумевают марксистскую философию. Существенные гносеологические основания данной теории оттеняют суть дела: объект всегда «задан» познающему субъекту не в форме созерцания, а в форме практики; практика включена в процесс познания и входит в определение объекта; практика обладает достоинством не только всеобщности, универсальности, но и непосредственной действительности; общественная жизнь по существу является практической; примат практики над теорией; совпадение мышления и бытия посредством практики есть предпосылка теоретического мышления; теория только тогда верно отражает мир, когда указывает эффективные (оптимальные) пути изменения мира; теория осуществляется в каждом народе постольку, поскольку является осуществлением его потребностей. Эти положения есть конкретизация гегелевского мировоззренческого принципа: «действительное станет разумным, разумное станет действительным».

Открытый Гегелем исторический тренд познания мира – «освобождение субъекта от зависимости со стороны объекта» – вскрывает всевозрастающее влияние, преобразующее воздействие теории на практику, возрастающую роль субъективного фактора истории. Осознанность субъектом исторического тренда и коррелятивное отношение с ним помогает родовым схваткам истории (когда процесс осознан, дело идет быстрее; «теория становится материальной силой, как только овладевает массами»). Но это проблематика основного вопроса философии. Вопрос об отношении мышления к бытию, сознания к материи есть вопрос об отношении логики поступков человека к логике вещей, свободы – к произволу. Философская классика (например, Сократ, Платон, Аристотель, Спиноза, Гегель, Маркс) отстаивала приоритет целого по отношению к части, объективной необходимости – к субъективному произволу. Современное состояние дел в этом вопросе выражено главным принципом гуманизма: общество – средство, человек – цель.

Российский ученый Л.К. Науменко справедливо полагает: «За своенравным капризом прячется рабская зависимость от банальных витальных импульсов, того самого «бича необходимости», по Гераклиту, которому повинуются воли, устремляющиеся к корму. А потому здесь мы имеем дело с теми же двумя рядами необходимости – универсальной и частной, ибо за произволом стоит именно частная, скажем, физиологическая необходимость. Если свободу понимать как самообусловленность субъекта, самопричинное действие, то подлинно свободным будет тот, для кого все внешнее стало внутренним. ...Развивать философию в ее собственной, внутренне присущей ей связи – это и значит доводить идею объективной необходимости, резюмирующей понимание сущности бытия, до идеи свободы» [5, с. 142-143].

Социокультурное движение «перехода содержания объекта в субъект» качественно меняет содержание самого субъекта. Культура такого субъекта (как мера человеческого в человеке) была выражена в кредо национального героя Кубы Хосе Марти: «Свобода – это

долг бороться за свободу других людей!» Такой (цивилизованный) человек мыслит иначе, чем варвар, для которого насилие («право по природе») – основное средство решения главных проблем существования. Борьба – это не всегда насилие. Цивилизованный метод решения проблем – диалог. Но возможность диалога обеспечивает конгениальность сторон, и здесь невозможно пройти мимо требования: современные вещественные производительные силы (орудия труда, производственные здания, железные дороги, каналы, шоссе, ...теория) разносторонне развиты, и только всесторонне развитые индивиды (субъективные производительные силы) могут их присвоить, следовательно, превратить в свою свободную самодеятельность. Такое обмирщение ключевых общественных отношений есть культурный прорыв, в котором теоретическое сознание переплавляется в общественное бытие.

Так, уже, например, во введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (издание 1895 г.) Ф. Энгельс дает переоценку тактики классовой борьбы в странах, где победила политическая, буржуазно-демократическая революция. Он признает, что: восстание старого типа – политический переворот, уличная борьба с баррикадами в значительной степени устарели; новое оружие – всеобщее избирательное право; гораздо больше можно преуспеть с помощью этих легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота; борьба несознательных масс, возглавляемых немногочисленным сознательным меньшинством и в интересах этого меньшинства уходит в прошлое; там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя в интересах большинства, массы сами сознательно должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба; новая эффективная форма борьбы – парламентаризм – превращается в новых условиях из орудия обмана в орудие освобождения.

На формирование такого сознания идентичности оказывает существенное влияние идеология. Идеология – это совокупность взглядов, основанных на общих мировоззренческих предпосылках и систематизированных в идеологических формах (например, политика, право, мораль, религия, философия), отражающих объективные, материальные отношения с позиций интересов определенных классов. Это отражение может быть правильным, научным или превратным, извращенным.

В современной научно-философской литературе (см. [6, с. 256]) термин «идентификация»/«идентичность» (от позднелат. *identifico* – отождествляю) выражает отождествление человеком самого себя с другими людьми на основе установления общих ценностей, эмоциональных переживаний, структуры и направленности внутреннего мира; идентификация/идентичность означает также способность сохранения человеком на протяжении всей жизни единства своего «Я», своей «самости», ощущения пространственно-временных границ своей телесной организации как единого целого; идентификация/идентичность также рассматривается и как психологический механизм преодоления человеком своего одиночества, способность проецировать свой внутренний мир на других людей, видеть другого человека как продолжение самого себя, своего «Я», переносить мир других людей в свой внутренний мир, перевоплощаться в них.

В теории дискурса субъект не автономен, а определяется дискурсами (здесь: дискурс – социальная практика, имеющая избыточный механизм самоописания, например, речь). Кроме того, субъект фрагментирован, как бы поделен на части (статусы и роли). Уже Ж. Лакан понимал субъекта как бесконечно незавершенную структуру, постоянно стремящуюся к целостности и единству. Его теория начинается с поведения младенца. Младенец не осознает себя отдельным субъектом, а живет в неразрывной связи с матерью и окружающим миром. Постепенно ребенок отделяется от матери, но сохраняет память

о чувстве единства с ней. Затем субъект постоянно стремится к единству. Посредством социализации ребенок идентифицирует себя с различными образами, созданными различными дискурсами, образами того, «кто он есть» и «кем ему себя считать». Субъект начинает осознавать себя как личность, идентифицируя себя с кем-нибудь вне себя, т.е. с представленными в дискурсе образами. Соответствие образу неполное, поэтому субъект становится «расщепленным» в основе. Несмотря на то, что субъект позиционирован в дискурсах, чувство целостности у него не появляется. Целостность воображается субъектом.

Идентичность для Лакана является эквивалентом идентификации с чем-либо. И это «что-либо» – позиции субъекта, которые человеку предлагают дискурсы. Дискурс обеспечивает поведенческие инструкции людям относительно того, что следует отождествлять с мужчиной («сила», «логика», «футбол») и женщиной («пассивность», «страсть», «кухня»). Люди должны действовать в соответствии с этими инструкциями, чтобы их считали настоящими мужчиной или женщиной.

Понимание личности в теории дискурса сводится к следующим положениям (см. [7, с. 75-76]):

- субъект расщеплен, он никогда не становится самим собой;
- субъект приобретает свою идентичность в дискурсах;
- идентичность – это идентификация человека с субъективной позицией в структуре дискурса;
- идентичность образуется дискурсивно посредством цепочек эквивалентности, в которых знаки сортируются и связываются в цепочки в противоположность другим цепочкам; эти цепочки определяют то, чем субъект является, и чем он не является;
- идентичность всегда организована в соответствии с принципом относительности: субъект является чем-то, потому что он противопоставлен чему-то, чем не является;
- идентичность, как и дискурсы, изменчива;
- субъект расщеплен или децентрирован; он имеет различные идентичности согласно тем дискурсам, частью которых он является;
- субъект – сверхопределен; в принципе, он всегда имеет возможность иной идентификации в определенных ситуациях, поэтому, данная личность условна, т.е., возможна, но не обязательна.

Сторонники теории дискурса рассматривают коллективную идентичность или группу согласно тем же самым принципам, как индивидуальную идентичность. Полагается, что нет объективно существующих групп, поскольку не существует объективных условий, определяющих разделение социального пространства на группы. Индивиды всегда имеют несколько идентичностей, что и определяет их принадлежность разным группам. Формирование групп – процесс чисто дискурсивный.

Социальный антагонизм возникает, когда различные идентичности взаимно исключают друг друга. Антагонизм проявляется там, где сталкиваются дискурсы. В результате этой борьбы устанавливается господство гегемонных дискурсов. Теоретики дискурс-анализа (например, Ж. Лакан, Ж. Деррида) используют понятия антагонизма, гегемонии и деконструкции. Антагонизм – это открытый конфликт между дискурсами. Гегемония – это разрешение конфликта за счет перемещения границ между дискурсами. Деконструкция – это действие, показывающее изменчивый характер гегемонии. Дискурс-анализ стремится к деконструкции структур, которые мы принимаем на веру; он пытается показать, что данная организация мира – результат политических процессов, имеющих социальные последствия, что нет никакой надежды избежать влияния дискурсов

и сообщить объективную истину, поскольку истина является всегда дискурсивной конструкцией.

Уже Л. Альтюссер тесно связывал субъекта с идеологией. Альтюссер определяет идеологию как систему представлений, которая маскирует наши истинные отношения друг к другу, создавая воображаемые отношения между людьми и социальными формациями. В работах по идеологии недооценивается способность людей оказывать сопротивление. Социальное управляется не одной общей идеологией. Более адекватной является плюралистическая модель, в которой дискурсы сосуществуют и конкурируют. Одна идеология (мировоззрение) не может контролировать все дискурсы (принцип партийности). В моделях, где конкурируют идеологические и неидеологические (например, научные) дискурсы, сохраняется надежда, что существуют пути социального устройства без идеологии.

Однако теоретики дискурса переоценивают возможности деконструкции. Индивиды и группы имеют неравные возможности для переартикуляции дискурса-гегемона. Но в одном они абсолютно правы: познание человека, практика никогда не могут полностью охватить универсум; результат общественной деятельности одновременно является и исходным пунктом для новой деятельности, ставит новые проблемы, выявляет новые противоречия, преломляет сквозь призму стихийно (естественно-исторически) сложившегося разделения труда.

Изначально ограниченное отношение людей к природе, обусловившее ограниченность общественных отношений, привело к труду и его разделению. Общественное разделение труда (исторически неизбежно вырастающее до классового разделения) порождает разделение и обособление лексики, обособление дискурсов. Очевидно, что в исторически развитых обществах разделение труда не отражается прямо, как в зеркале, в разделении и обособлении дискурсов; имеет место сложное взаимодействие разнонаправленных факторов.

«Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда. С того момента сознание может действительно вообразить себе, что оно есть нечто иное, чем осознание существующей практики, что оно может действительно представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, – с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т.д.» [8, с. 23]. «Чистая» теория, дискурсия (идеологическая надстройка) теперь сама оказывает обратное действие на породившую ее практику (базис).

Однако факторный подход к языку (дискурсу) – его абсолютизация, преувеличение роли языка в обосновании эволюции общества и знания – выступает фетишизацией языка, играющего здесь ту же роль, что и «универсализированное отчуждение» в известных социально-философских доктринах, где реальные пороки конкретно-исторического общества возводятся в Абсолют и превращаются в нечто непреодолимое – Субстанцию.

Обращение к дискурсу как абсолютной (беспредпосылочной, субстанциальной) стихии и носителя всякого рода предпосылок некорректно, поскольку дискурс (язык) не является предельным условием человеческого контакта с миром – таким предельным («абсолютным») условием является общественно-историческая практика.

Выводы. Полагаем, что на основаниях современного материализма возможна плодотворная научная дискуссия, развиваемая теорией дискурса. Если заявлять, что дискурс – просто механическое воспроизведение других социальных механизмов, а

именно, что дискурс абсолютно определяется чем-то еще, например, экономикой, тогда нет никакого смысла проводить дискурс-анализ. Но здесь реальная взаимозависимость. Идеи, даже извращенные, имеют свое основание в общественном бытии. Идеология есть теоретическое отражение и попытка разрешения реального социального конфликта. Идеология исчезает с удовлетворением напряженной социальной потребности, которая высказывала себя в виде этой идеологии. Идеология, дискурс и идентичность есть коррелятивные понятия. Накал социальной борьбы определяет меру воздействия идеологической функции дискурса на формирование социальной идентичности.

Литература:

1. Althusser, L. Ideology and Ideological State Apparatuses. London: New Left Review. 1971.; Lacan J. Ecrits: A Selection. New York: W.W. Norton & Co. 1977.; Ankersmit F. Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian's Language. Martinus Nijhoff Publishers. The Hague/ Boston / London. 1983.; Laclau, E. and Mouffe, C. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso. 1985; Laclau, E. and Mouffe, C. "Post-Marxism without apologies". London: Verso. 1990; Fairclough, N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press. 1992; Fairclough, N. and Wodak, R. Discourse as Social Interaction: Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. Vol. 2. London: Sage. 1997.
2. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. I. – М.: Политиздат, 1980. – 640 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. III. – М.: Политиздат, 1981. – 643 с.
4. Корнфорт М. Диалектический материализм / Пер. с англ. и общ. ред. члена-корреспондента АН СССР П.Н. Федосеева. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – с. 498.
5. Науменко Л.К. Эвальд Ильенков и мировая философия // Вопросы философии. – 2005. – № 5. – С. 132-144.
6. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
7. Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004. – 336 с.
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») // Избранные произведения в 3-х томах. Т. 1. – М.: Политиздат, 1980. – 640 с.